

Наталья Пошлавецкая

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ

1914-1916

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XXVIII

Salamandra P.V.V.

**Наталья
ПОПЛАВСКАЯ**

**СТИХИ ЗЕЛЕНОЙ
ДАМЫ**

1914-1916

Salamandra P.V.V.

Поплавская Н. Ю.

Стихи зеленой дамы: 1914-1916. Подг. текста, биогр. очерк и коммент. А. Шермана. Рис. С. Лодыгина. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 120 с. – (Библиотека авангарда, вып. XXVIII).

Поэтесса, актриса, кокаинистка, «королева наркоманов», старшая сестра видного поэта эмиграции Б. Поплавского – Наталья Поплавская промелькнула, как видение, на богемном горизонте Москвы 1910-начала 1920-х годов, оставшись в немногочисленных мемуарах (в том числе М. Цветаевой). Жизнь привела Поплавскую, автора знаменитого «городского романа» «Ты едешь пьяная и очень бледная», в Париж, на Мадагаскар, в Африку, Индию – и к ранней смерти в Китае. В издание вошла впервые переизданная книга «Стихи зеленой дамы» (1917), единственный поэтический сборник Поплавской, посвященные ей стихотворения и биографические материалы.

© А. Sherman, подг. текста, биогр. очерк, коммент., 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ

1914-1916

Наталія Поплавская.

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ.

1914—1916.

МОСКВА. — 1917.

ИГОРЮ — ЕДИНСТВЕННОМУ

«Пойми как поймешь»...

На моем зеленом платье
Горели красные маки.
От палящей жажды объятий
Были губы бесстыдно ярки.

В сердце тлели раскаленными углями
Бесплодной ревности гаммы.
И насмешливо настроенная публика
Назвала меня «зеленой дамой».

Помню я, обнаженные плечи
Холодели от взгляда слепого.
Миг печальный трагической встречи!
Столько сказано молча без слова.

Мы простились банально и просто,
Как прощаются в кинодрамах...
Этой встречи так грустно-острой
Не забудет «зеленая дама».

I.

РОЗЫ В ПУДРЕ

Другу моему —
Николаю Козьмичу Елину

MON AMI PIERROT

Николаю Елину

«Au clair de la lune»
«Mon ami Pierrot...»
Мальчик слишком юный,
Где твое перо?

А каприз мой страстный
Жаждет и зовет.
Нынче вечер ясный,
Он сюда придет.

Белая беседка,
Желтые драпри.
В этой тесной клетке
Будем ждать зари.

Мягкая кушетка,
Обнаженный стан.
Сердце бьется редко,
В голове дурман.

Как на светлой коже
Кольца губ видны!
Чем ты уничтожишь
Красные следы?

Розы дышат тяжело,
Я томлюсь и жду.
Расстегнулась пряжка,
Вся горю в бреду.

Чу! песок аллеи
Хрустнул под ногой.
Балахон белеет
Освещен луной.

Ты! О, запах пудры,
Влажный красный рот,
— Сердце, будь же мудро,
Он сейчас уйдет.

Смотрят в окна тui...
Больше нет надежд!
Шелест поцелуев
Сорванных одежд.

Сердце бьется реже,
Крепче рук кольцо.
Дунул ветер свежий
В жаркое лицо.

В парке все темнее,
Ласки все нежней,
Ты — луны бледнее,
Я — огня алей!

ВЕЧЕРОМ

Мы сегодня поссорились страшно,
Неужели он не придет?
Я сбежала по лестнице с башни,
Я бежала за ним до ворот.

Я сказала: «Мой друг, это шутка,
Я люблю бесконечно и жду».
Он ответил упрямо и жутко:
«Я сегодня к тебе не приду».

Он ушел. У садовой решетки
Я застыла в бессильном бреду.
Слуг к обеду сзывали трещоткой,
Птицы пели так звонко в саду.

Вечер гаснет. Спустились туманы
На балконе я кутаюсь в шаль.
И росой покрылись поляны
И темнее закатная даль.

Как я жду! В шелку палевом платья
Сердце жадно и звонко стучит.
В тонком теле истома объятья
Неумолчною жаждой звучит.

О, приди! Пряной, огненной лаской
Обожги! Задуши. Опьяни.
И за нашу безумную сказку
Мне стилет прямо в сердце воткни.

КАПРИЗНИЦА

На щеке Вашей красная царапина,
Это след чьих-то острых ногтей.
Мое платье цвета бургундского вина
С белой пеной кружев у локтей.

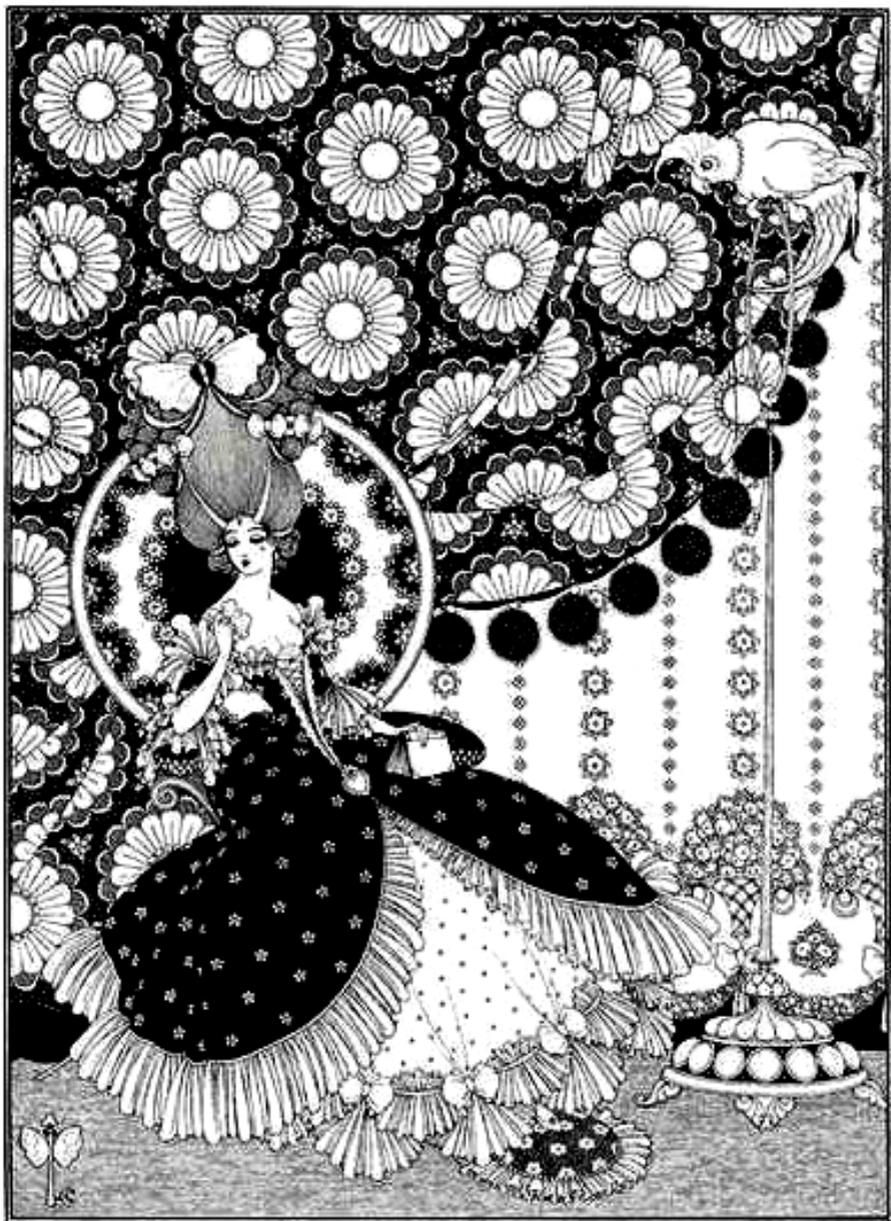
Мы идем по аллее подстриженной,
Негритенок несет мой трэн.
«Вы сегодня чем-то обижены?
Утомил Вас мой тягостный плен?»

Да, я знаю, Вам скучно со мною.
Вам вскружила голову Цинтия.
Вы вчера любовались луною
У широкой клумбы гиацинтов.

Как красив был вишневый камзол
Подле пышного желтого платья!
Вот источник сегодняшних зол.
Что ж? Спешите в ее объятья.

О, простите! Мне не нужно оправданий
Я вполне понимаю Ваше чувство».
— Что такое? Меня... на свиданье?
Граф, Вы лжете очень искусно.

Да не верю, не верю! Не думаю.
У фонтана на пятой дорожке...
Неужели? Даже безумно?
— Ну, конечно люблю!... немножко.

ПОРТРЕТ

I.

Шелк скрипящий черного платья
И жестокая нежность корсета.
В сердце, может быть, стынут проклятья,
Мертвой дымкой взгляды одеты.

И под траурным бархатом шляпы
Слоем пудры покрыто лицо.
Тяжки ласки дьявольской лапы,
Все тесней их жадное кольцо.

Под глазами круги, а губы —
Лакированно-алый цветок,
Но румяна положены грубо,
Портят тонкие контуры щек.

Вы с ней встретитесь всюду, где можно
Хоть минуту забвенья купить,
И от глаз ее, четко-тревожных
Заструится тоскливая нить.

Кто она? Эти тонкие руки
Так бессильно и странно сплелись.
А в улыбке ее столько муки
Боязливо стремящейся ввысь.

ПОРТРЕТ

II.

Владимиру Королевичу

Портрет пожелтевший и милый,
В старинной, плюшевой раме,
Ты в сумерках вновь оживаешь
И шепчешь мне странную сказку
О мертвой и грустной любви.
Прикованный темною силой
Стою пред тобою часами.
А ты мне тоску поверяешь
И бредишь о стершихся ласках
И руки ломаешь свои.
И бледные, тонкие губы,
И стрелы ресниц твоих длинных,
И пышное, синее платье
В душе моей будят тревогу,
Волнуют желанья в крови.
Но луч электричества грубый,
Зальет тихий сумрак гостиной
И вновь застывает объятье
И губы сжимаются строго,
Нельзя их будить для любви!

II.

ПЕПЕЛ ЛЮБОВНЫЙ

ОСЕНЬЮ

Тихая осень. Холодное солнце.
Сыпятся листья.
Грустно склонила рябина в оконце
Красные кисти.

Плакать не надо. Как тихи и ясны
Глаза твои.
Слезы, мольбы, упреки напрасны,
Нет любви.

Встретились в церкви. Чье-то венчание,
Сколько гостей.
Как ты был бледен, в тусклом мерцании
Тонких свечей.

Значит, ты понял? Мы хоронили
Нашу любовь.
Осень. И в сердце холодном застыли
Слезы и кровь.

ЛЮБОВЬ УХОДИТ

Любовь уходит и пепел серый
На угли сердца ложится нежно.
И уж не вспыхнуть огнем мятежным
Глазам алмазным моей Химеры.

Любовь уходит. Дыханьем страсти
Разжечь пытаюсь больное пламя.
Истлело сердце. Мы гаснем сами,
Вернуть былое не в нашей власти.

Любовь уходит. И все, что дальше
Мне вспыхнет в жизни уже не свято.
И бледно ляжет печать разврата
На все, что было так чисто раньше.

МНЕ БОЛЬНО

Я иду. На пути умирают цветы,
В сердце лед.
Он ушел, мой Принц. Тихо вянут мечты,
Он не ждет.

И теперь все равно. Бледно-алый
Гаснет день.
Ничего не хочу. Я устала,
Плакать — лень.

Сердце стынет и ждет темно-синюю мглу,
Ночью — вольно.
Он вонзил мне в душу стальную иглу,
Мне так больно.

РАССВЕТ

Милыми пахнет духами
Смятой постели кружево.
Я не смеялась над Вами.
Слезы? Нет, слез не нужно.

Розовый сумрак спальни,
Розовый, томный фонарь,
Зеркало в раме овальной,
Четок старинный янтарь.

И над кроватью Мадонна
Грустный склонила лик
Все здесь спокойно и скромно
В этот пылающий миг.

Шепот Ваш нежный и жгучий
Ваши безумные ласки,
Мчит меня вихрь могучий
К золоту радостной сказки.

Жгут иступленно лобзанья,
Тесно сплетаются руки,
В бездну упало сознание,
Счастье дошло до муки.

Мчатся часы за часами,
Трезвое утро близится.
Больше, я знаю, мне с Вами
Уж никогда не увидеться.

Пьяный туман сладострастия,
Пьяный туман в крови...
Не было, не было счастья
И ни намек любви.

Плачу? — Слезам вы не верьте,
Женские слезы — вода.
Холодны в тусклом рассвете
Смятых простынь кружева.

В КАФЕ

В этом маленьком, грязном кафе
(Ах, забыть, ведь не в нашей власти);
Еще тлеет ауто-да-фе
Моей прежней страсти.
В тусклом омуте пыльных зеркал
Милый облик я тщетно ловлю.
Так недавно он мне здесь сказал
«Я тебя люблю».

За диванами, в дальнем углу
Мы скрывали нашу любовь.
Помню ясно мальчика слугу,
С губами, как кровь,
И хозяйку за кассой направо,
И лица ее сонную лень.
Здесь мы пили утром какао,
Каждый день.

Помню нашу последнюю встречу
Холод нежных когда-то глаз,
Может быть, я тебя здесь встречу
Еще раз?
Может быть, ты захочешь, усталый
Вспомнить ласку ушедших дней?
— Помнишь, как я тебя целовала?
— Ты счастлив с ней?
Я жду безнадежно, безвольно,
Все прозрачнее бледный профиль.
— Как жутко. Как страшно. Как больно

.

Возьмите. Я не хочу кофе.

* * *

Мы шли с Вами весело — такие беспечные,
Такие спокойные. И ветер седой
Сорвал с меня шляпу. Смеялись встречные,
А сердце заискрилось новой мечтой.

О, сердце лукавое! Любовь обманувшую
Ты вновь не зови. Ведь на новом пути
Нам все же не сбросить оковы минувшего,
До светлой границы нет силы дойти.

Но мы улыбались губами усталыми
И взор погрузился в сияющий взор.
А пламя дрожащее вспылками алыми
Нас властно тянуло на Вечный костер.

РАЗБИТАЯ ЧАША

Я разбила хрустальную чашу
С золотисто-пьяным вином.
Отвечая на нежность Вашу
Я мечтала о счастье ином.

Я хрустальную чашу разбила,
Чашу с радостным страсти вином,
— Неужели все это было?
Ах, любовь мне кажется сном.

Я разбила хрустальную чашу,
Пролила дорогое вино...
— Как огонь меня жгли ласки Ваши,
Ну, а сердце — из камня оно.

НОВОБРАЧНАЯ

Катюше Лопатиной

На бархатной мебели робко белеет
Батиста и кружев волна.
Она от волнения и страха бледнеет,
Страданья и счастья полна.

Венок флер д'оранжа увял на комодке,
Разорвана в клочья фата.
Холодные ручки испуганно бродят
По тонкой цепочке креста.

И стыд и тоска покоряются страстно
В объятьи безумном и грубом.
И к хрупкому телу тянутся властно
Чужие и жадные губы.

Я люблю целовать на морозе
Твой девически-свежий рот,
Твоих глаз голубую угрозу,
Нежных щек ароматный мед.

Пусть несутся легкие сани,
Снего-пыль обжигает лицо.
Так прекрасно, в ночном мерцании
Звездного неба кольцо.

Улыбнись и шепни мне, как тайну,
Кто сильнее из нас влюблен?
О, зимы ледяное лобзанье!
О, серебряно-белый сон!

ОБМАНУВШЕМУ ДРУГУ

Говорить о прошлом я не буду.
Говорить о будущем — нельзя.
Верить мне неслыханному чуду?
— На реснице дрогнула слеза.

Ты молчишь и прячешь правду взгляда
Обманувший, но любимый друг.
Успокойся, ничего не надо,
Ничему я не поверю вдруг.

Знаю все — и все прощу. Не лги мне,
Улыбнись жестоким алым ртом
И забуду о твоей измене.
Все, что было, было только сном.

Я устала от ласки рук нелюбимых.
Поцелуи мертвят утомленные губы.
Не хочу я их больше, страстью палимых,
Все мужчины так дерзки и безжалостно-грубы.

Я мечтаю о друге, печальном и нежном,
Утомленно-красивом, изящном и хрупком,
С ним хотела бы плыть в океане безбрежном
И до дна насладиться радостным кубком.

В «МИНИАТЮРЕ»

Как ненужно и глупо звучали
Пошлого куплета слова!
Вы весь вечер упорно молчали
И у Вас болела голова.

У зеленой суконной занавеси
Пел без голоса белый Пьеро.
Я застыла в тоскливом трансе,
На душе так странно серо...

О, потерянный вечер в «миниатюре»,
Синих глаз усталая сталь...
Покоряться в моей натуре,
Но сегодня себя мне жаль.

Мы простились братским поцелуем,
Холод губ Ваших сердце леденит.
Вся в слезах сегодня засну я,
Завтра вновь телефон зазвенит.

III.

ЖЕНСКОЕ

Марии Леонидовне Юрьевой

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС

Тихий вечер грустит за окном,
Догорает печально камин...
Не хотела я думать о том,
Кто так горд и надменно один.
В синем пламени жарких углей
Вновь ищу я забытые сны,
Грезы тихой печали моей
И мечты отзвеневшей весны.
Но сгорают и гаснут огни,
Не вернуть уходящих теней,
Не вернуть отлетевшей любви.
И потянутся снова они,
— Одинокие, тусклые дни.

В бледном тумане дождливого утра,
Грустно и нежно на сердце усталом.
Все поняла я. Спокойно и мудро
Слушаю шепот тоски запоздалой.

Поздно! Не надо огня сожалений.
В сердце печальном холодная осень.
Падают, падают листья забвенья,
Красные знаки изжитых весен.

В ВАГОНЕ

Розы умирают в духоте вагона.
Вечер грустный стукнул в темное окно.
Чей-то взгляд тревожный, брошенный с перрона
Рвет молчаний робких ломкое звено.

Тихо тают горечь и тоска разлуки,
Убаюкал сердце мерный стук колес.
— Сколько там осталось трепета и муки,
Яд перегоревших выплаканных слез.

Сколько там осталось... нет, не надо помнить,
Разве снятся мертвым их земные сны?
Я судьбе вернула дней минувших нить,
Буду ждать в грядущем солнца и весны!

В ГОРОДСКОМ САДУ

Хочется плакать от грустной музыки!
— Плакать нельзя в Городском саду.
Кто с нами шел переулками узкими,
Кто так устало сказал «Приду..?»

Небо глубокое, черное. Пьяная,
Душною ночью, бредит луна.
Чьи-то глаза были жутко туманны.
Чаша тоски до краев полна.

Мертвым, безрадостным будет свиданье.
Мертвыми будут холодные слова.
— Нет! Я боюсь Вашей темной тайны.
Не приходите. Я Вас не звала.

УТРОМ

Просыпаюсь утром горячим и томным,
Лениво натягиваю чулки.
Кто-то прошел под моим балконом
По мелкому гравию четки шаги.

Ослепительным блеском сверкнуло море,
Перламутром отликает даль.
Солнце властно раскинуло в бледном просторе
Золотую, жгучую вуаль.

Ах не все ли равно, что разбиты и смяты,
Ветром развеяны мечты...
Столько светлых восходов и алых закатов
До последней осталось черты!

Снова четки шаги под высоким балконом,
Кто-то ждет у белых колонн...
— Что же? Бросить изменчивым страсти законам
Свой влюбленный и нежный сон?

НОЧЬ

Плачет горячая, черная, страстная
Ночь.

Прочь — вы, мечты, золотые, напрасные,
Прочь.

Сердце ревнивое, сердце стоокое,
Спи.

Спи истомленное, спи одинокое
Спи.

Мечется, плачет и хлопает крыльями
Ночь.

Прочь — вы, мечты, оказались бессильными,
Прочь.

НА МОТИВ Н. ЛЬВОВОЙ

Зине

Со всех сторон нас жгут и жадное желание
И страстная мольба и нежность робких глаз,
И нам не бросить «нет» извечному страданию
И мы несем свой крест, под тяжестью склонясь.

О, крест любви! Его любовь мужская
Не может знать. Он наш — и только наш.
А если стонем мы, под ним изнемогая,
Они нам говорят: «Истерика и блажь».

Мы только женщины, и, корчась в страстной муке,
Пред жаждою мужской не можем устоять,
И всем мы отдаем трепещущие руки
И губы красные, бессильные проклясть.

Нам не порвать кольца пылающих желаний,
Нам не найти пути потерянного вновь.
И распинаят нас, истерзанных страданьем
На огненных крестах Владычица-Любовь.

Душа умирает без жалоб,
Без стога, без слез, без упрека.
И я ничего не сказала,
И ты — безвозвратно-далеко.

Весенний, ласкающий вечер.
Мечтами истерика тает.
Болят мои тонкие плечи,
Тоска так жестоко ласкает.

И я подчиняюсь покорно
Холодной, мучительной ласке.
А в сердце разбились узоры
Едва распустившейся сказки.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Страстно искусаны губы усталые,
Тонкое тело объятьями смято.
В сердце тревога, тоска запоздалая,
Сердце любовью и ревностью взято.

Ласки безумные, нежные, жгучие,
Вся напоенная сладкой истомою
Ты погружаешься в грезы певучие,
В негу прекрасную и незнакомую.

ПОСЛЕ БАЛА

Смятые вянут цветы,
Гаснут устало огни.
Смятые гибнут мечты,
Гаснут усталые сны.

И не хочу ничего,
Только спокойно лежать.
Сердце, молчи! Для чего
Вновь о былом вспоминать?

У РЕЗНОГО ОКНА

По покоям тесным терема большого,
Точно птица в клетке, бьется грусть моя.
Целый день, склонившись у окна резного,
Золотом и шелком вышиваю я.
Темнокудрый Игорь, королевич смуглый,
Одинокий сокол, долго ль ждать тебя?
— На холодном небе выплыл месяц круглый...
Милый светлый месяц, он забыл меня!

Ты, печальный месяц, светишь дальним странам
Видишь грозной битвой смятые поля...
Может быть, лежит он и от алой раны
Пропиталась кровью черная земля?
Ты, усталый месяц, плыл сюда морями...
Может быть, несется в пасти пенных волн
Труп его застывший, с мокрыми кудрями,
Взор последней мукой и тоскою полн!

Нет! Не верю. Знаю, должен он вернуться.
Буду ждать, склонившись у резных окон.
Пусть года, как листья желтые несутся,
Пусть века несутся — но вернется он!
Вспыхнет пламя счастья алыми огнями
На груди могучей я замру, любя...
— Точно четки, нижеет Время дни за днями,
Точно птица в клетке, бьется грусть моя.

IV.

ГОБЕЛЕНЫ

Графине Екатерине Сергеевне
Толстой-Знаменской

КОРОЛЕВА

Осень. Пыльная дорога.
Сумерки. Печаль.
Королева у порога
Смотрит вдаль.

Мрачен замок. Хмуры башни,
Не видать огней.
Королева плачет. Страшно,
Страшно, жутко ей.

Как корона лоб ей сжала!
Как тяжел наряд!
— Все бы бросила, бежала...
Черен стражи ряд,

Всюду стража. Латы блещут.
Ей нельзя уйти.
Сердце бьется и трепещет
В молодой груди.

В спальне муж седой и хилый.
И пора идти.
«Где же бьется рыцарь милый,
На каком пути?»

Брошу мужа и корону,
Замок, пышный трон.
Я люблю. Мне нет закона!
— Где же скрылся он?

Исхожу я все дороги
Нищенкой босой.
Изорву о камни ноги,
Смою кровь росой.

Я люблю! Терпеть бесплодно
Больше нет уж сил!»
Но сурово страж холодный
Путь ей преградил.

И пошла она, рыдая,
В спальню к королю...
И по сводам, замирая,
Пронеслось: «Люблю».

ДОЧЬ КОРОЛЯ

Серебристым цветком притворилась земля
В эту лунную ночь.
На высоком балконе стоит короля
Темнокудрая дочь.

До рассвета стоит, до рассвета глядит,
Словно ждет.
А лукавая ночь и томит и манит
И зовет.

Синеглазого рыцаря, дочь короля,
Ты не жди.
Ты же знаешь, где он. Его гложет земля,
Он не может прийти.

Он не может прийти, он не властен прийти
Что ж ты ждешь?
Иль не твой навсегда в его мощной груди
Острый нож?

Ты убила его. И бессильны теперь
Эта ночь и луна.
Так пройди же к себе и закрой свою дверь,
Ты одна.

Эта лунная ночь и томит и манит
И зовет.
Что же дочь короля до рассвета стоит,
Словно ждет?

ГОРЕ КОРОЛЕВСКОЙ ДОЧЕРИ

Баллада О. Уайльда

Семь прекрасных звезд на небе,
Семь горят в воде.
Семь грехов в душе царевны,
Скрыты в глубине.

Роз алеют под ногами
Целые снопы.
Розы в косах золотистых
В сердце же шипы.

Глянь! На дне речном под илом
Рыцарь молодой.
Рыбы жадные собрались
Вкруг него гурьбой.

Юный паж лежит без жизни
У речной волны.
Глянь! Вороны выются злые
Словно ночь черны.

Оба мертвы. Кто убил их?
(Кровь ей руки жжет.)
Ах, цветы кувшинок белых
Эта кровь зальет.

Всех их четверо примчалось
С разных все концов.
Черным воронам пирушка
(Ей не снять оков).

Есть один — один, кто любит.
(О, как кровь красна!)

Он под ивой рыл могилу,
Четверым — одна.

Бледный месяц скрылся с неба,
Душит мгла равнин.
Семь грехов в душе царевны,
У него — один.

V.

ОТБЛЕСКИ РАМПЫ

Я актриса. На лице моем
Не ищи следов душевных ран.
Все я скрою толстым, мертвым слоем
Пудры и румян.

Я актриса. Каждый вечер вновь
Отражают ярко зеркала
Алость губ, накрашенную бровь,
Белизну чела.

Залитая лживым светом рампы,
В пестром блеске наглой мишуры
Я сплетаю изысканных ямбов
Золотые шнуры.

Я актриса. Бедный, нежный друг
У меня ты не проси любви...
Не тяни ко мне с мольбою рук,
Не зови.

Каждый вечер перед жадною толпой
Я бросаю пьяный, сладкий яд,
Отдаюсь ей. Видишь не — тобой
Мой венок измят.

Каждый вечер жестяной кинжал
Разрывает пламенную грудь.
Арлекин меня в объятьях сжал
Навсегда... Забудь!

«ТОТУ» — ПЕВЦОВУ

Единственному

Вечер. Пьянящая музыка танго.
Сыпятся красные розы.
Мчатся они на красавцах мустангах,
Оба прекрасны, как грезы.

«Тот». Он весь в прошлом. В звуках пощечин
Жизнь его — дикая пляска.
И на лице его скорбно хохочет
Жутко-веселая маска.

«Слушай, царица! Я шут твой влюбленный
Ты же не знаешь меня.
Может быть, бог, красотой опьяненный
Небо забыл для тебя.

Вспомни молитву гор, Консуэлла».
Сыпятся красные розы.
«Если бы только ты захотела».
Льются холодные слезы.

Танго. Кровавая занавесь цирка
Дрогнула алым пожаром.
Вы не слышали безумного крика?
«Тот» в исступлении яром.

«Тише. Царица уснула. Ни звука!
Девочке хочется спать».
Сердце сжимает горящая мука.
«Тише, не надо рыдать».

Танго и розы. Розы и грезы.
«Спи, Консуэлла моя.
И не боюсь я паучьей угрозы.
Я не оставлю тебя».

Смерть — и любовь. Кто он? Смертный ли, бог ли?
Сыпятся красные розы.
«Тише. Царица уснула. Без воплей».
Танго и розы. И слезы.

ЗАКАТ

Дышат сыростью теплой пустые поля.
Умирает закат на небе бледном.
Неужели кончена сказка моя?
— Он был весел нынче за обедом.

За обедом мы спорили, громко смеясь,
А сейчас меня уносит курьерский.
Завтра вновь окунуть в московскую грязь.
Стану наглой, холодной и дерзкой.

Но в ритмическом стуке грузных колес
Слышу стон отчаянья глухого.
— Впрочем, месяц в Крыму ничего не принес,
Кроме скуки, да сплина тупого.

Там — луна, кипарисы, море шумит,
А ночами уснуть нельзя.
По балкону летучая мышь шелестит
Еле-еле крылом скользя.

Утром ласточек пенье и солнца огни
Разливались в трепете знойном.
Кто-то ждал терпеливо в прохладной тени,
Под платаном высоким и стройным.

Это было, как сон — и как сон ушло.
Жизнь — груба — жестока — жадна.
Что же в сердце так властно огни загло
Что гасить их я кровью должна?

ДАМА В ЛИМУЗИНЕ

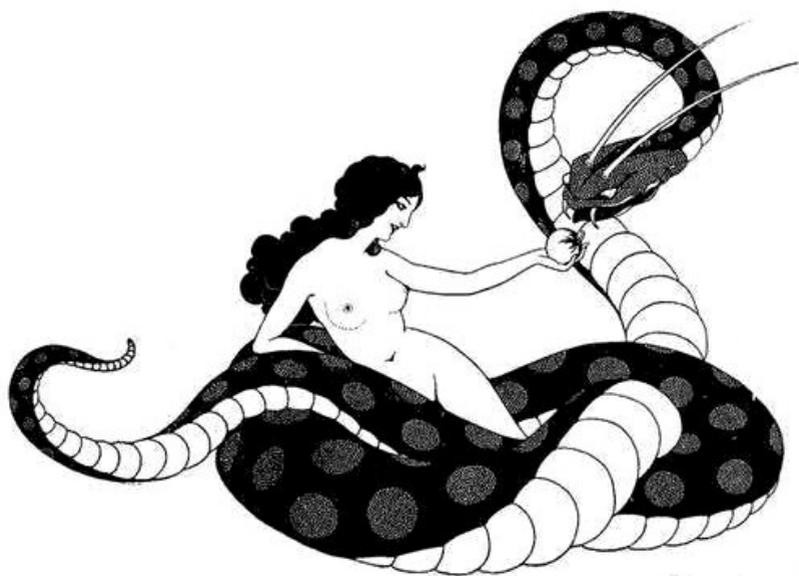
А. Н. Вертинскому

В черном лимузине, с шелковой обивкой,
У театра, в полночь, ждет она меня,
Кутаясь тревожно в шеншилля накидки,
И, качаясь, серьги длинные звенят.

Выхожу усталый, со следами грима,
С ласковой улыбкой подведенных глаз.
Часто — очень часто, прохожу я мимо,
Но сегодня как-то жаль обидеть Вас.

Дама в лимузине, с яркими губами,
Я люблю Ваш тихий, невеселый смех...
Дама в лимузине, с острыми духами,
Вы влекуще-нежный и томящий грех.

Дама в лимузине — в Вашем сердце рана,
Ваши поцелуи, как укусы змеи.
Стой, шофер! Довольно. Не хочу обмана
Ласки бледной Дамы душу мне сожгли.

М-ЛЕ ИЗИДА

Перед зеркалом — пудра и краски,
Шпильки, веер, кольца от Тэт'а,
На лице румяная маска,
Как нарядная кукла одета,

Блестки, бисер, цветы на платье,
Так на елку убирают конфеты
И себя не могу узнать я
В ярком блеске лживого света.

Скоро выход. Сейчас кончает
Тамара, цыганская певица,
И оркестр вальс начинает,
Вальс — мой номер, надо торопиться.

Я гадаю негритянке Кики —
На картах любовь и обида,
Но трещат режиссерские звонки:
«Живо! номер М-Ше Изиды».

Выбегаю. На миг уплывает
В прыном ритме плавного танца
Муть кулис...

Но в ложе ожидает
Директор гостиницы «Франция».

И в усталом, тупом сознанье
Не вспыхнет искра протеста.
А коньяк сожжет воспоминанье,
Что была я чьей-то невестой.

Вы шантанный актер. На ярких плакатах
Ваше имя кричит огромными буквами.
О, я знала — придет минута расплаты
За страсть к холодной, раскрашенной кукле.

Я бросила сердце на Ваши подмостки,
А Вы каблуками его раздавили.
Раздавлено сердце на грязных досках
И капли крови покрылись пылью.

Помню — целовала руки Паяца,
Мягкие руки в пятнах грима...
О, как теперь я буду смеяться,
Как буду смеяться, проходя мимо.

Да, я пред Вами стояла на коленях,
Стояла пьяная Вами только раз.
Это было ночью — теперь день и я
Хочу — не могу сломать марионетку проказ.

Мне нравится тоски бестрепетная нежность
И серых глаз влюбленная печаль,
И пудра на лице, и странная небрежность
В улыбке бледных губ, которых смутно жаль.

И руки мягкие, и пальцев тонких ласка,
Их сладко целовать, свернувшись на ковре.
А после прятать боль под равнодушной маской,
Прощаясь в холоде рассвета на дворе.

И знать — все время знать, что жадными губами
Он зацелован весь, как мраморный святой
В костеле краковском, украшенный цветами
На пестром алтаре застывший и немой.

Но пусть кругом толпа в молитве иступленной
И фимиам, и свеч мерцающий восторг,
И женщин пламенных, безумных и влюбленных
Горячий шепот — он их всех отверг.

Не хочет он любви, устал от жажды счастья
И топчет женщину, в погоне за мечтой.
Он — Принц-Пьеро, измучен красной страстью,
Заласканный, больной, развратный и святой.

VI.

ВСТРЕЧИ СЛУЧАЙНЫЕ

О, не правда ли мое оправдание
Ваше наслаждение?

И. Северянин.

Мое чувство к Вам — маленький ландыш
У подножья высокой сосны.
Но вы теперь играете Карандышева
И Вам не до весны.

Я скрывать не умею — Вы сердитесь,
А молчу — упрекаете в холодности.
Я же страдаю, если Вы гневаетесь.
Вы правы — у меня нет гордости.

Я люблю — но вашей невесте
Всегда уступаю дорогу.
Знаю — нам не идти с Вами вместе,
Мне осталось — плакать у порога.

И бесплодны мои страдания,
Вы жалеть никогда не умели.
О, не правда ль — мое оправданье
Вы этого хотели?

ОН ТОЛЬКО ПРАПОРЩИК...

Александр Николаевичу Дурасовичу

Он только прапорщик — с глазами синими
С глазами Врубелевских картин.
Душа покрыта усталым инеем.
Любимый многими — всегда один.

Трепещут женщины при этом имени.
Но не Пьеро, не Арлекин,
Он только прапорщик с глазами синими
С глазами Врубелевских картин.

СОНЕТ

Иллариону Николаевичу Певцову

Холодный блеск пустых, прозрачных глаз,
Движений гибких странная истома.
Душа его «в изысканном изломе
Мечтой отравленный алмаз».

Душа его усталая блудница
В ней бледный луч стыда давно погас.
Душа его измятых, страстных фраз
Полузабытая страница.

Все в нем изгиб. Все в нем звучит загадкой,
Печальной бог с развратно-нежным ртом
— И жалкий шут!.. Но радостно и сладко

Внимать бубенчикам твоих лохмотьев ярких.
Под их мелодию забыться пьяным сном,
И ждать мучительной и пламенной развязки.

IMPRESSION

Виктору К.

Солнца было много
В нашей первой встрече.
Белая дорога,
Кипарисов свечи.

Синева морская,
Неба блеск лучистый,
А лицо ласкает
Ветерок душистый.

Вдруг виденье встало
В грезе жаркой полдня.
Сердце застучало,
Ничего не помню!

— На коне могучем
Стройный мальчик мчится.
Легкой, белой тучкой
Сзади пыль клубится.

Шапка кудрей черных,
Профиль гордый, смуглый
И зрачков огромных
Золотые угли.

Веял образ милый
Детской чистотою.
Юношеской силой,
Страстью и мечтою!

МОЕМУ АНГЛИЧАНИНУ

На чуждом языке томительно и сладко
Поют его слова. Погас весенний день.
И холод серых глаз мне кажется загадкой,
А в сердце тишина и радостная лень.

Автомобили, пыль. Усталый город властно
Нас заковал опять в свой душный, цепкий плен,
И вновь чужие мы. И вновь звучат бесстрастно
Знакомые слова в тени угрюмых стен.

О, если б все сказать в одном порыве смелом
И жадным ртом прильнуть к раскрывшимся губам,
Забыть о прошлых снах, о страсти помертвелой
И бросить душу в пасть нахлынувшим волнам.

НА КУЗНЕЦКОМ

Леониду Приходько

Указал мне Вас с радостным смехом
Злобный дьявол, от пыли седой.
Отозвался мучительным эхом
Этот смех на серой мостовой.

А кругом грохотали экипажи,
От людей дрожал тротуар.
— Вы похожи на стройного пажу
Королевы Марии Стюарт.

Когда Вас встречаю на Кузнецком,
Злобный дьявол хихикает: «Вот».
В Вашем шаге упругом и дерзком
Яркой страсти слышу гавот.

Так красив. Такой накрашенный.
Дикой болью сердце объято —
Так и тянет под толстые шины
Пролетающих мимо auto.

ИЗ ЛИТЕРНОЙ ЛОЖИ

Я смотрю из литерной ложи
На лицо Ваше в первом ряду.
Вы теперь бледнее и строже,
Чем недавно в пыльном саду.

Тихо плачут печальные скрипки
И рыдает тоскливо рояль.
На лице Вашем бродит улыбка,
Мне чего-то мучительно жаль.

Я не знаю имени Вашего
Вижу в первый и последний раз.
— Но сейчас так много в нашем
Странно-тусклом поцелуе глаз.

В ИСТОМЕ ЛУНЫ

Бледен профиль капризный в истоме луны.
Губы жадно трепещут, желаний полны.
В твоих сильных объятьях, нежна и грешна,
Я молчу... Может быть, эта нежность смешна?

Что же? Смейся! Ты знаешь, тебя я люблю.
Все рабыня простит своему королю.
Мчатся кони. Уж гаснут огни фонарей,
Легкий ветер проносится в чаще ветвей,

Скоро будет светать, закатилась луна.
— Как молчит, притаившись, весенняя тьма,
Как пьянит она душу и знойной волной
Прочь уносит рассудок, сознание, покой.

Не целуй моих рук. Твои губы горят,
Твои губы горят и томят, и томят...
Не смотри этим взглядом, молю, не смотри,
Ах, ужель никогда не дожждаться зари,

Не дожждаться холодного, ясного дня,
И волшебница-ночь околдует меня!
— Поздно, поздно! Горячие губы слились
А усталые кони опять понеслись.

Ты со мной! Ты со мной! Я тобою пьяна...
Эта грешная ночь мне на счастье дана.

В. А. Полонскому

Улица черная, мокрая, длинная,
Тускло горят фонари.
Шепчет в душе моей сказка старинная:
«Любишь — умри».

В сердце тревога... А светят прекрасные
Синие светят глаза.
Прочь размышление, раздумье напрасное,
Любовь — гроза.

Холодно, дождик. Но розы на золоте,
— Всюду, куда не взгляну.
Знаю, что в синем и ласковом омуте
Вся утону.

Ольге Дурасович

Под сладкий плач румынского оркестра
Так остро колют иглы cordon vert,
Отделка стен уродливо пестра
И нагло ярк голубой ковер.

А в узкой вазе ветка тубероз
Струит удушливый и пряный аромат.
В твоих глазах то искорки угроз,
То страстные огни, томясь, дрожат.

Я вижу в зеркале — я мертвенно-бледна.
Горят уста — края кровавых ран.
Моя рука, устало-холодна
Безжизненно упала на диван.

Сказать тебе о том, что в сердце боль,
Что нет любви и что душа пуста
Я не могу. Ведь ты не мой король
И через нашу пропасть нет моста.

Слова любви звучат издалека.
Как режет взор хрустальной люстры свет,
О, замолчи! Моя тоска горька,
Но я должна тебе ответить «нет».

Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам, домой, одна.
И странно помнишь ты скобку медную
И штору синюю его окна;

И на диване подушки алые,
Духи d'Orsay, коньяк Martel.
Глаза янтарные, всегда усталые,
И губ распухших горячий хмель.

Пусть муж, обманутый и равнодушный,
Жену покорную в столовой ждет.
Любовник знает — она послушная,
Молясь и плача, опять придет.

А. А. Спиридоновой

Ждать по неделям звонка телефонного,
Плакать над Вашим портретом,
Вечно обманывать мужа законного
Грустным и лживым ответом.

Слушать Ваш голос насмешливо-ласковый,
Знать, что любовь умерла,
Но надевать равнодушную маску,
Сядясь у чайного стола.

После, забившись в кресло старинное,
Вспоминать мертвой страсти угар,
Узор ковра в турецкой гостиной
И запах Ваших сигар.

Я сказала ему: «Ваш гордый профиль
Точно скульптором из камня высечен...»
— Он ответил: «Представьте, в клубе за кофе
В карты выиграл я три тысячи».

Я сказала ему о моей печали
О моей одинокой тоске...
Он спросил меня просто: «Вы читали
Отчет о бегах в “Листке”?»

Я сказала ему: «Нет, Вас не люблю я,
Вы бездушно-красивый зверь!»
Смеется... волю сломил поцелуем.
На ключ запирает дверь.

Ты на коленях мне целуешь руки.
Оставь. Уйди. Я не хочу тебя.
Не стоишь ты ни радости, ни муки,
Мне все равно, что ты совсем моя.

Не жаль мне глаз твоих тоски отчаянной,
Не жаль застывших темно-красных губ...
Тебя сегодня повстречав нечаянно,
Я был с тобой безжалостен и груб.

О, штамп любви влюбленно-страстных женщин,
О, ласк безумных исступленный чад!
— Я так устал и так давно развенчан
Манивший долго, слишком долго, клад.

Мой бледный рот раздавлен поцелуем
Я яд желаний нежно берегу.
Меня любовь не жжет и не волнует.
Оставь. Уйди.
Я больше не могу.

Р. Е. Столице

Приехать домой на рассвете,
В шальной и пьяной тоске...
Вдруг прядку седую заметить
На чем-то темном виске —

И вспомнить — странно-просто,
Твоих волос Вежеталь,
И профиль, смуглый и острый,
Сквозь синего дыма вуаль.

И сердцу станет так больно,
Так страшно любовь вспоминать,
И губы дрогнут невольно...
А кто-то начнет целовать.

VII.

ПОЖЕЛТЕВШИЕ ПИСЬМА

Eudoxie

СТАРЫЕ ПИСЬМА

В этих письмах пожелтевших
Столько муки.
Горечь страсти потемневшей,
Боль разлуки.

В этих письмах столько ласки,
Нежного упрека.
Время стерло в сердце краски
Так жестоко.

Лишь остался бледный очерк
Глаз молящих.
Да капризный, нервный почерк
Строк дрожащих.

За муку волнений, тревоги и страсти
За жгучее пламя в крови,
За нежность больной и безумной любви
Милый, прости.

За ревность, за слезы, за скуку упреков
Сердиться не смей.
Я знаю — не любишь. За горечь урока
Меня пожалей.

Любить и молчать. Пусть душа изнывает,
Пусть рвется на части — молчать.
Пусть горечь, тревога и боль нарастают —
Молчать.

Томиться тревогой и жаждой свиданья
И ласк упоения ждать,
Отбросить все в мире, мечты и желания,
Молчать.

Нет, не вини меня. Правдив порыв был мой
И искренне вполне
Что я люблю безумно, всей душой
Казалось мне.

Не знала я, что ты — совсем не ты,
А лишь мечта
Моей любви, искавшей красоты
Везде, всегда.

Ошиблась я. Возврата нет—
Да и к чему?
Прощай. Люби! Я вижу свет
Сквозь ночи мглу.

Мой путь суров. Но цель близка
И верю я.
— Прости! К чему теперь тоска?
Забудь меня!

ВЕСЕННЕЕ

Не целуй! Подожди. Поцелуев не надо,
Я устала от ласк, я хочу отдохнуть.
Сядем здесь, на скамью возле старой ограды.
Странной сладкой тоскою полна моя грудь,

Как все тихо кругом. Ночь крадется чуть слышно,
Сумрак в чашу ползет и окутал весь лес.
Над поляною ветви раскинулись пышно,
Наступает пора темных тайн и чудес.

Дышат негой истомной дрожащие фиалки,
Притаились цветы, что-то шепчет трава.
Как мне люди вдруг стали ненужны и жалки,
Как бессильны и бледно-усталы слова.

Гуще сумрак. Лицо твое слабо бледнеет,
Ты со мною, ты здесь, но я все же одна!
Чьи-то тени над нами туманами реют,
В тебе золотом вдруг запылала луна.

Все темнее, темнее закатные дали,
Все синее и глубже ночной небосвод,
Серебристей туман. Мы с тобою устали,
Так давай же молчать без тоски и забот.

От горящей луны протянулись нити
И дрожат жемчугами в холодной листве.
Так же ль светит она и на остров Таити,
Где изгнанник томится тоской обо мне?

Но к чему вспоминать. Разве я виновата,
Что понять и любить я его не могла...
От жасмина несется волна аромата.
Кто мне может сказать: «Ты его предала»?

— Ты со мной? Обними меня крепче, нежнее,
Я люблю тебя!.. Слышишь? Запел соловей.
Ярче блики луны, лес как будто светлее,
Я забыла о нем. Ну, целуй горячей!

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
О Другой ты мечтаешь и гредишь любя,
И Другая — Принцесса и сказка твоя.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
О Другой ты рыдаешь в певучих стихах,
И Другую ты видишь в пленительных снах.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
И напрасна любовь и напрасна тоска,
А тоски моей боль так горька, глубока,
Ты не любишь меня, ты не любишь меня.

Весенние сумерки с тихой лаской
Мне шепчут о счастье возможном.
Но сердце обмануто радостной сказкой
И стало теперь осторожным.

Я верить цветам и весне разучилась:
— Они столько раз уже лгали!
Душой я разбита. Душа истомилась.
От грезы ей легче едва ли...

ПОПУГАЙ ФЛОБЕР

(версия А. Н. Вертинского)

Я помню этот день. Вы плакали, малютка.
Из Ваших серых подведенных глаз
В бокал вина скатился вдруг алмаз.
И много, много раз я вспоминал
Давным-давно, давным-давно
Ушедшую минутку.

На креслах в комнате белеют Ваши блузки.
Вот Вы ушли, и день так пуст и сер.
Грустит в углу Ваш попугай Флобер.
Он говорит: «Jamais», он все твердит:
«Jamais», «Jamais», «Jamais», «Jamais»,
И плачет по-французски.

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
НАТАЛЬЕ ПОПЛАВСКОЙ**

Б. Поплавский

*На четвертом этаже,
в каморке пекинца,
на гвозде золотые обезьянки*

КАРАВАНЫ ГАШИША

Наталии Поплавской

Караваны гашиша в апартаменты принца
Приведет через сны подрисованный паж.
Здесь, в дыму голубом, хорошо у пекинца,
У него в золотых обезьянах палаш.

За окном горевал непоседливый вечер,
И на башне в лесах говорили часы,
Проходили фантомы, улыбались предтечи,
Через дым на свету фонарей полосы.

У лохматого перса ассирийское имя,
Он готовит мне трубку, железный чубук,
Вот в Эдеме, наверно, такая теплыня,
Покрывает эмалью ангел крылышки рук.

Варит опий в углу голубом притонёр,
А под лампой смола, в переплете Бэкон,
Мне Ассис постелил из лоскутьев ковер,
Полоса фонарей через клетки окон.

Харьков, 1918

ПЕЧАЛЬ ТВОРИТ КРАСОТУ

(Наташе Поплавской —
рассветнице в песнях)

В шелестинности
Детский лепет.

Предрассветная
Трепетвинность
Ветвинок.
И в застенчивых
Развилиях
Переливное
Движение звезды —
Слезы утренней.

Ясно сердцем смотри.
Дай крепкую руку
Я хочу так поверить
Тебе искатель
Весенних стран
Открыватель
Утренних берегов.

В тихой разлунности
Когда услышишь дальний звон
Пойди ко всенощной
На кладбище
Остановись на паперти

Посмотри кругом.
На могильных буграх
Будто светляки
Святятся лампы
В тишине повечерия.

Ясно сердцем смотри:
Слушай.

В. Королевич

ПРЕСТУПЛЕНИЕ АРЛЕКИНА

Натал. Поплавской

Томно пляшет Коломбина,
Нежен осени каприз.
Вьются ленты серпантина,
С нею — пудренный маркиз.

Как маркиза губы пряны!
Звонки струны мандолин.
У душистого фонтана
Замечтался арлекин.

Как вино глаза нескромны,
Губ краснее нет его.
Перед ним с усмешкой томной
Вдруг затихнувший Пьеро.

Боги строят злые мины,
Их нарушили закон.
Позабыв про Коломбину
Арлекин в Пьеро влюблен.

Ноябрь — 1916

В. Королевич

ЗЕЛЕНАЯ ТАТУИРОВКА

Натал. Поплавской

У него на груди татуировка,
Зеленая змея с глазами медузы.
Я глажу его кудри ласково и неловко
Он говорил — У тебя руки Дузе.

О, если б никогда не отрывать взгляда
От прикрытых серых глаз,
Если б навсегда в себя спрятать,
Как в шкатулку черный алмаз.

Но завтра он снова уйдет в море,
Бродить среди рифов и скал,
Встречать с другими другие зори.
Как мир без него станет душен и мал!

У него на груди татуировка,
А над постелью маленький висит кинжал
Что если в змею вонзить ласково и неловко,
Чтоб никогда никому не принадлежал.

Апрель — 1916

СЕСТРА НАТАЛЬЯ УМЕРЛА В ШАНХАЕ

Сестра Наталья умерла в Шанхае.
Нам пишут из Китая: «Перешла порог.
На ложе роз с улыбкой отдыхает...».
Ее простит спокойный русский бог.

Вот вещи, всё, что от нее осталось:
Две фотографии, часы, блокнот,
Цепочка и дневник – такая малость.
Расписанный по дням ее последний год.

Кривые улочки, больница, душный климат,
Шанхайский вальс, шанхайский бриз,
Старик китаец, проходящий мимо,
Туристы шумные, спешащие в круиз.

Дорога к порту в четкой панораме,
И опиумный домик, где хозяин Минг.
Задумчивый китайский бог в старинном храме,
В куреньях, вдруг проснувшийся на миг.

Ее мечты, «Стихи зеленой дамы»,
Желание спастись, желание спасти,
Наброски к некой странной драме,
Спокойные слова, последнее «прости».

Всё, что прошло – лишь дым, туманность.
Всё, что осталось – зыбкие мечты в тиши.
Снимают страх, тоску, усталость,
Врачуют боль и тела и души.

Сестра Наталья не приедет из Китая.
Ее приют последний был убог.

Ее душа в тех дымных облаках витает,
Там, где живет счастливый опиумный бог.

НАТАЛЬЯ ЮЛИАНОВНА ПОПЛАВСКАЯ

Биографический очерк

«Вижу одну, высокую, лихорадочную, сплошь танцующую, — туфелькой, пальцами, кольцами, соболиными хвостиками, жемчугами, зубами, кокаином в зрачках. Она была страшна и очаровательна, тем десятого сорта очарованием, на которое нельзя не льститься, стыдиться льститься, на которое бесстыдно, во всеулышанье — лщусь».

Эти строки из мемуарного очерка М. Цветаевой¹ — чуть ли не единственное, не считая одной фразы Н. Серпинской, описание внешности Натальи Поплавской. Неизвестны ни ее фотографии, или портреты, ни годы жизни.

Наталья Юлиановна Поплавская родилась в Москве в 1890-х годах в семье музыканта, журналиста и промышленника Юлиана Игнатъевича Поплавского (1871-1958) и его жены Софьи Валентиновны, урожденной Кохманской (1871-1948). Родители познакомились в Московской консерватории: Софья Валентиновна, приходившаяся дальней родственницей Е. П. Блаватской и сама позднее увлекавшаяся антропософией, собиралась стать скрипачкой. Впрочем, вскоре супруги от музыки отказались — очевидно, под влиянием властной жены Ю. Поплавский обратился к совершенно иным занятиям. О них вспоминает в книге «Москва купеческая» П. А. Бурьшкин (Н.-Й., 1954, и многочисленные переиздания):

Совершенно иной характер носило Общество заводчиков и фабрикантов Московского района. Эта организация появилась после событий 1905 года и носила резко подчеркнутый профессиональный характер. Целью ее была защита интересов промышленности и торговли, с одной стороны — против Правительства, с другой против рабочих. Во главе общества стоял Юлий Петрович Гужон, очень образованный француз, крупный металлургический заводчик, человек европейской складки, сильно обрусевший, энергичный. <...>

¹ «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове)». См.: Цветаева М. Проза. Н.-Й., 1953. С. 239-240.

Если Гужон был председателем, то был еще и вице-председатель, который значил не меньше, если не больше председателя, так как он свою эту роль сочетал, в сущности говоря, с управлением делами. Это был Юлиан Игнатьевич Поплавский, чрезвычайно оригинальная и колоритная фигура даже для Москвы того времени.

Поплавский был музыкант. Он окончил (и очень хорошо) Московскую Консерваторию, по классу фортепьяно, был одним из любимых учеников П. И. Чайковского, – во всяком случае, весьма ему близких, что видно по его воспоминаниям.

Почему он переменял музыкальную карьеру на торгово-промышленное представительство, сейчас не помню. Для этого были какие-то основания, вероятно, и материальная сторона играла немалую роль. Лично я музыкантом его не помню, много потом лишь слышал его играющим на рояле, но по обществу заводчиков и фабрикантов сталкивался с ним с первых же дней.

Поплавский был человек чрезвычайно одаренный, редко можно было встретить такую, как у него, легкость слова и легкость пера. Говорить он мог на любые темы, и самый серьезный сюжет трактовал иногда в легком тоне. Его манера говорить, а она соответствовала его манере одеваться, – очень раздражала многих, особенно людей старой складки, как например, Г. А. Крестовникова, и Поплавского недолюбливали. Как говорили, его даже «не пускали на биржу»; фактически это было, видимо, верно: его не приглашали, и это создавало своего рода конфликт между Обществом заводчиков и фабрикантов и Биржевым комитетом. Он выступал и в Петербурге, в Совете Съездов, куда он постоянно ездил, наравне с Гужоном, от своей организации.

Когда нужно было набросать какой-нибудь письменный документ, проект обращения, или резюме беседы, он был незаменим, делал это с величайшей легкостью и изяществом. Постепенно к его манерам привыкли, стали приглашать его на совещания при Биржевом комитете, в особенности, когда дело касалось рабочего вопроса, поскольку архаическая организация Биржевого Комитета стала отставать от времени, главным образом в отношении собирания материалов по текущей статистике и по всякого рода документам по рабочему вопросу. У Поплавского, на Мясницкой, где помещалась его канцелярия, дело было поставлено на широкую ногу, и Обществу удалось весьма быстро (оно существовало всего 12-13 лет) накопить ценный материал.

В семье, включая Наталью, было четверо детей: Всеволод, Борис (1903-1935), ставший выдающимся поэтом русской эмиграции, и рано умершая от туберкулеза Евгения. О том, какого рода образование получила Наталья, свидетельствует мемуарный очерк Ю. И. Поплавского, написанный после смерти Бориса – у сына, пишет он, была няня, затем немецкая бонна и французская гувернантка, позднее гувернеры (швейцарцы и англичане) и русские репетиторы и студенты². Болезнь Евгении вынудила мать в 1906 г. увезти всех детей за границу; они провели три года в Швейцарии и Италии.

Несмотря на богатую жизнь, дети тяготились домашней обстановкой. Биограф Бориса Е. Менегальдо указывает на «бесчисленные нравouchения, упреки и требования» матери – в том числе и требования не только духовных, но и материальных успехов³. «Жили богато, но детей притесняли и мучили, хотя ездили каждый год за границу и т.д. Дом был вроде тюрьмы, и эмиграция была для меня счастьем» – вспоминал Борис⁴. По словам возлюбленной Бориса Н. Столяровой, «во время какого-то спора с матерью Б. Поплавский обвинил ее, что она своей властью добилась ухода из дома дочери, и в ее наркомании»⁵.

Наталья приучила младшего брата и к наркотикам, и к стихам. «Когда старшая сестра Бориса Наташа, блестяще образованная и талантливая девушка, выпустила в Москве свой сборник стихов, считаясь молодой авангардной поэтессой, Борис из чувства соревнования, или, скорее, подражания, тоже начал писать в ученических тетрадях “свои” стихосложения, сопровождавшиеся фантастическими рисунками»⁶ – пишет Ю. Поплавский.

В юношеских стихах Поплавского, написанных в Харькове в 1918 году, мелькают «курильни гашиша и опия», торгующие кокаином московские доктора; показательно посвященное Наталье стихотворение «Караваны гашиша». Вероятно, все это было хорошо знакомо и его сестре.

² Ю. Поплавский. Б. Поплавский. Новь (Таллинн). 1936. № 8. С. 144-147. Цит. по: Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 423.

³ Там же. С. 27-28.

⁴ Из письма Ю. П. Иваску от 19.11.1930. Там же, с. 241.

⁵ Ответы Н. И. Столяровой на вопросы, заданные А. Н. Богословским // Там же. С. 73.

⁶ Ю. Поплавский. Там же, с. 423.

В 1916 г. Н. Серпинская встречается на литературных вечерах в салоне поэтессы Л. Столицы «неизвестную мне раньше, невероятно намазанную, с темными глазами, обведенными кругами, и порочным, утомленным ртом Наталью Поплавскую, дочь крупного инженера Юлиана Поплавского»⁷. Н. Поплавская посвящает стихи выступающему в образе «лунного Пьеро» А. Вертинскому, поэту и прозаику В. Королевичу, автору изъятной цензурой эротической повести «Молитва телу», актерам театра и кино, московским франтам.

Первая и единственная книга Н. Поплавской «Стихи зеленой дамы» увидела свет в Москве в 1917 г. тиражом в 300 экз. В нее вошли стихотворения 1914-1916 гг. – манерные и жеманные перепевы А. Ахматовой, И. Северянина, Н. Львовой, любовная лирика в декорациях мирискуснического Версаля, условного Средневековья или ресторанов и артистических кабаре современного города. «Основная тема поэзии Поплавской – переживания рефлексующей, близкой к миру искусства женщины, у которой не хватает воли, чтобы разорвать кольцо грубых мужских объятий» – замечают составители антологии «Сто одна поэтесса Серебряного века»⁸. Одно из стихотворений книги – «Ты едешь пьяная и очень бледная...» – вошло впоследствии в репертуар П. Лещенко и стало «достоянием городского фольклора», другое, в книгу не вошедшее («Попугай Флобер») превратилось в исполнении А. Вертинского в знаменитую песенку «Jamais».

На книгу отозвался злой и не совсем справедливой – учитывая годы написания стихов – В. Ходасевич:

Стихи г-жи Поплавской – очень модные: тут и самоновейшие приемы стихотворной техники, выработанные поэтами последнего десятилетия, и «утонченно-урбанистические» переживанья, и весь ассортимент изысканности, вынесенный из «фешенебельных» прогулок по Кузнецкому Мосту: пудры, духи, коньяки, «прапорщички с синими глазами», разные Пьеро и Арлекины. Но модные стихи эти глубоко не современны: как-то удивительно даже, что в наши трагические дни пишутся такие пошлости. Извиняюсь за «непоэтическое» сравнение, но когда вся страна ходит босиком по

⁷ Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 146. Как видим, сведения Серпинской не совсем точны.

⁸ Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. статьи М. Л. Гаспаров, О. Б. Кушлина, Т. Л. Никольская. СПб., 2000. С. 175.

снегу, тут-то и появляются «зеленые» и других цветов дамы, до самых ушей зашнурованные в отличнейшие кожаные ботинки. И это довольно противно⁹.

В конце 1917 г. (28 декабря, 10 января 1918 г. н. ст.) Поплавская участвовала в «Кафе поэтов» в прениях по докладу поэта Л. Монозона «Реформа любви». Афиша вечера гласила: «В разговорах примут участие: Вл. Маяковский, киты мира: Вл. Королевич, Вл. Гольцшмидт и Н. Равич, поэтесса Н. Поплавская и желающие вниматели из пришедших» (ГЛМ).

В феврале 1918 г. Королевич и Монозон, успевшие организовать «антифутуристический» литературный кружок «Зеленое яблоко», решают пригласить в члены кружка Н. Поплавскую и будущую мемуаристку Н. Серпинскую; в марте Поплавская участвовала в первом (закрытом) вечере кружка, где она и Монозон выступили с докладами о творчестве В. Инбер¹⁰.

27 февраля 1918 г. Поплавская участвует в нашумевшем вечере «Избрания короля поэтов» в Большой аудитории Политехнического музея; как известно, королевский титул получил на этом вечере И. Северянин. Пресса отмечает: «Во второй половине вечера артистка и поэтесса Наталья Поплавская с большим искусством прочитала стихи Валерия Брюсова, Бальмонта, Шершеневича, Анны Ахматовой и Александра Блока»¹¹.

Первого марта 1918 г. Поплавская выступает на вечере молодых поэтов в Малом зале Консерватории; вновь отмечается, что она прочитала стихи (на сей раз собственные) «с большим искусством»¹². Две недели спустя, 15 марта, она читает стихи А. Блока, В. Брюсова и И. Северянина на официальном открытии литературного кафе «Музыкальная табакерка» – «неофициальное» состоялось ранее. Поплавская участвует в проводившихся в кафе

⁹ W [Ходасевич В.]. Наталия Поплавская. Стихи зеленой дамы. М., 1917 // Русские ведомости. 1918. № 26. 20 февр.

¹⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917-1920 гг. / Отв. ред А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 112, 126.

¹¹ Литературный «конвент» // Наше время. 1918. № 37. 28 (15) февраля. С. 2. Газетное свидетельство расходится с программой вечера, где значилось: «Артистка Наталия Поплавская прочтет стихотворения Ив. Алек. Бунина и Валерия Брюсова» (ГЛМ).

¹² В. И. Вечер поэтов // Мысль. 1918. № 7. 19 февраля (4 марта). С. 2.

«Живых альманахах» («Тут выступала одаренная Наташа Поплавская, дочь богатого фабриканта, публично отрекшаяся от него. Потом она примирилась с отцом и эмигрировала – вспоминает В. Шершеневич)¹³. Вместе с другими участниками «альманахов» Поплавская перекочевала затем в кафе «Десятая муза», выступала и в «Кафе поэтов», причем о ее выступлениях в последнем ходили

Ивану Михайловичу
Баранову на память о
старой дружбе Н. П. Поплавская

Дорогой друг Анатолий
Дмитриевич Гольцшмидт от автора
3/2 1917 Н. П. Поплавская

Автографы Н. Поплавской на экземплярах «Стихов зеленой дамы». Чрезвычайные различия в почерке заставляют предположить, что по крайней мере один из автографов является фальшивым.

легенды: «Там происходили действительно ужасные вещи, голые какие-то девушки танцевали без всякого прикрытия: Анна Гольцшмидт (сестра Гольцшмидта), Елена Бучинская, кажется, дочь Тэффи, Поплавская. Ну, это было, когда мало было публики»¹⁴.

¹³ Шершеневич В. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910-1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 547-548.

¹⁴ Воспоминания Екатерины Тимофеевны Барковой о В. В. Маяковском / Публ. Е. А. Снегиревой // Маяковский продолжается: Сб. научных статей и публ. архивных материалов. Вып. 2. М., 2009. С. 233. Об одном случае «голого танца» актрисы и танцовщицы дочери писательницы Тэффи

Имя Поплавской также значится на афише вечера «Поэзия» в Доме союзов 29 марта 1918 г. На этом вечере наряду с чтением стихов были обещаны «литературно-музыкальные иллюстрации» при участии А. Вертинского, В. Хенкина, Н. Поплавской, Е. Бучинской, А. Гольцшмидт, В. Иодко и др. (композиторы А. Архангельский и А. Бакалейников)¹⁵.

В ноябре 1918 г. Поплавская выступила на открытии эстрады Союза поэтов (в кафе «Домино») совместно с В. Каменским, В. Шершеневичем, Р. Ивневым, С. Есениным, С. Клычковым и другими поэтами, а в декабре была даже избрана в программную комиссию союза.

Тем временем семья Поплавских разделилась. Юлиан Игнатевич и юный Борис бежали летом 1918 г. на юг. Им предстоял долгий путь: отъезд из Крыма в Константинополь (март 1919), возвращение в «белую» Россию летом 1919 г. (Новороссийск – Екатеринодар – Ростов-на-Дону) и вновь эмиграция в Константинополь в декабре 1920 г. Летом 1921 г. Ю. И. Поплавский был вызван на съезд представителей русской промышленности и торговли в Париж, где и поселился с сыном. С. В. Поплавская с Всеволодом, Евгенией (умерла в 1921 г.) и Натальей оставалась в Москве.

Сохранились обрывочные свидетельства о выступлениях Поплавской в клубе поэтов в январе-феврале 1919 г., например на «Вечере поэзии и легкой песни» совместно с В. Каменским и др. (22 января) и Т. Мачтетом и Арго (23 февраля). Она сближается с имажинистами, в последнем номере журнала «Жизнь и творчество русской молодежи» (1919, 1 июня) публикует отрывки из поэмы «Сын Человечий». В дополнении к этому номеру от 16 июня В. Шершеневич пишет в статье «Современные поэтические группировки»: «<...> уже создается целая группа моло-

фи Е. Бучинской известно из воспоминаний Т. Фохт-Ларионовой, однако Поплавская здесь не упоминается: ««Как-то поздно ночью, когда публика уже разошлась и остались только свои, Елена Бучинская голая танцевала на столе. Вокруг, по краям длинного стола, прикрепили свечи. Мама (она была со мной) сняла с себя египетский серебряный шарф. Он был сплошь заткан маленькими серебряными пластинками, напоминая кольчугу, и надела на Елену. Было это очень эффектно и, кстати, поприличнее» (<http://feb-web.ru/feb/rosarc/rab/rab-643-.htm>).

¹⁵ Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 144-145.

дежи имажинизма: Н. Эрдман, Г. Сидоров, Н. Поплавская»¹⁶. 28 августа 1920 г. Поплавская читает стихи на совместном вечере с Я. Полонским, Е. Куммингом, М. Ройзманом и А. Адалис в помещении Союза поэтов; ее имя значится на афише «устного конкурса на призы за лучшие стихи», устроенного союзом поэтов 7 декабря 1920 г. в Политехническом музее.

11 декабря того же года Поплавская участвует в «Вечере поэтесс» в Политехническом музее под председательством В. Брюсова (участвовали, помимо Поплавской, А. Адалис, Н. Бенар, Н. Вольпин, Н. де Гурно, В. Ильина, Ф. Коган, М. Марьянова и М. Цветаева) – тогда-то она и предстает перед Цветаевой «лихорадочной меховой красавицей» с «кокаином в зрачках».

«Вообще скажу, что в чуждом мне мире профессионалок наркотической поэзии меня встретили с добротой, – записывает позднее Цветаева. – Женщины, вообще, добрей. Мужчины ни голодных детей, ни валенок не прощают. Та же П<оплав>ская, убеждена, тотчас же сняла бы с плеч свои соболя, если бы я ей сказала, что у меня голодает ребенок»¹⁷.

В 1921-1922 гг. Поплавская бедствует и опускается – так, по крайней мере, уверяет не слишком расположенная к сопернице по поэтическому успеху и поклонникам Н. Серпинская:

Отец Наташи Поплавской – инженер, председательствующий в организованном для борьбы с большевиками в 1917 году “Обществе фабрикантов и заводчиков” – бежал с Павлом Павловичем Рябушинским через Ростов-Одессу в Париж, обещав выписать жену и дочь. Однако время шло, но ни известий, ни денег обе женщины не получали. Они стали продавать меха, драгоценности, потом себя. Мать, благоразумная и рассудочная, завела себе солидного покровителя, а Наташа кидалась из стороны в сторону, опускаясь все ниже. В 1921–1922 годах ее, оборванную, опухшую от пьянства, в опорках, с компанией профессиональных бандитов и воров встречали на Трубной площади – очаге всего хулиганского и наркоманского люда¹⁸.

¹⁶ Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 408-409.

¹⁷ Цветаева М. *Op. cit.*

¹⁸ Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 222-223.

Хотя рассказ Серпинской изобилует неточностями, косвенные свидетельства частично его подтверждают. Судя по дневникам Б. Поплавского, Наталья не то вышла замуж, не то завела гражданского мужа:

13.3.21 <...> Сегодня утром папа читал письмо от мамы, о том, что Лада [Всеволод Поплавский] в Ревеле. Наташа все та же, бедная. О муже ее мама не говорит нарочно¹⁹.

В Париже отец и брат продолжают получать какие-то известия о Н. Поплавской, и в мае 1922 г. Борис записывает в дневнике:

Наташа сидит в тюрьме за кражу, ибо теперь полковник ее муж, и они дошли до соседских <...>²⁰

Весьма вероятно, что именно Н. Поплавскую имел в виду психиатр Л. А. Прозоров, писавший в статье «Кокаинизм и преступность» (1923):

Талантливая актриса и поэтесса П., доставленная ко мне на экспертизу следователем, нюхает кокаин, потому что разочаровалась во всем, – в искусстве, которая она любила, в мужчинах, к которым чувствует отвращение, наконец, в самой себе. Родные находят ее раздетой, пронюхавшей все в одном из притонов на «Трубе». Дело возбуждено о ней потому, что, будучи «занюханной», она подписала какой-то протокол и потом, безо всякой нужды, на суде отказалась от своей подписи²¹

Но вернемся к рассказу Серпинской:

¹⁹ Поплавский Б. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. М., 2009. С. 166. Эта запись никак не может относиться к пребыванию Н. Поплавской в Шанхае, как указано в т. 1 данного изд. (с. 23).

²⁰ Там же, с. 249. Необъясненная купюра принадлежит составительнице Е. Менегальдо; кто такой «полковник», упомянутый в качестве мужа Н. Поплавской – загадка.

²¹ Прозоров Л. Кокаинизм и преступность // Криминалист (Москва). 1923. № 1. Октябрь. С. 84-89. Здесь, как и в мемуарах Серпинской, фигурируют притоны «Трубы» – Трубной площади.

Наконец, во время нэпа, какие-то друзья ее [Н. Поплавской] отца, очевидно, получив директивы из Парижа, выхлопотали ей паспорт и снабдили деньгами на дорогу.

Потом о ней доходили из-за границы противоречивые, путанные слухи, выдуманные, впрочем, как вообще обо всех эмигрантах. То она вышла замуж за мелкобуржуазного француза и родила даже двух детей, превратившись в семейную даму. То какой-то экзотический принц, прельстившись ею в ночном кабаре, женился на ней и увез на свой “дикарский остров” где-то на Тихом океане, и Наташа теперь – королева нескольких тысяч дикарей. Особенно занятно было представлять ее в короне из перьев, с кольцом, продетым в носу, в бусах и листьях вокруг пояса, прыгающую под звуки тамтама через священные костры. Выходило — прямо идеал модных романов Поля Морана. Ее близкие знакомые, родные, “бывшие люди”, равнодушно смотревшие и ничего не делавшие, чтобы спасти ее, направить по другому, трудовому пути, легко доступному всякой живой, толковой женщине, захлебываясь от восторга, с уважением рассказывали о сделавшей “феерическую карьеру” Наташе Поплавской²².

Некие основания для таких экзотических слухов, видимо, имелись. Во второй половине 1920-х гг.²³ Н. Поплавской и ее матери удалось выехать за границу, и вся семья собралась в Париже. Вскоре наступили тяжелые времена – Ю. И. Поплавскому, работавшему вначале в Бюро защиты прав русских граждан за границей, пришлось давать уроки музыки в Русском музыкальном обществе и работать тапером в захудалом парижском кинотеатре²⁴, Всеволод был вынужден сесть за баранку такси, С. В.

²² Серпинская Н. Флирт с жизнью... С. 223.

²³ По сведениям А. Ю. Галушкина (1960–2014), в период 1924–1926 гг. «присутствие Поплавской в литературных кругах Москвы еще можно проследить по единичным упоминаниям; позднее сведений нет. Таким образом, <...> время отъезда Поплавской за границу <...> следует передвинуть на вторую половину десятилетия» (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6505.php>).

²⁴ Поплавский Б. Собрание сочинений... Т. 1. С. 23. Для сравнения приведем сведения о Ю. И. Поплавском из справочника «Вся Москва» на 1916 г.: «Кривоколенный 14. Т. 155-95. Вицепредс. О-ва заводчик. и фабрикант. Моск. пром. района; Председ. Отд. Моск. Военно-Промышл. ко-

Поплавская – за швейную машинку. Как пишет Ю. И. Поплавский,

<...> сестра Наташа, которая помогала семье, «уехала искать нового счастья» на Мадагаскар, оттуда в Африку, Индию, а потом внезапно умерла в Китае от крупозного воспаления легких²⁵.

Исследователи безжалостно добавляют – «осложненного злоупотреблением опиумом»²⁶.

А. Шерман

мит. по обеспечен. фабр. и заводск. рабочим состав.; Управл. делами Съезда русск. фабрикант. земледельческ. машин; Чл. Правл. Моск. О-ва для надз. за паров. котлами; Управл. Сов. Российск. Акц. О-ва химическ. промышл. 1914 г.; Управл. делами Моск. О-ва фабрикант. парфюмерн. произв.; О-во экспедиторск. и транспортн. фирм; О-во фабрикант. кондитерск. произв.; Завед. экономическ. отд. редакц. «Утро России», Чл. заводск. Совещ. по обороне государства по Моск. Району» и т.д. (Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. С. 398).

²⁵ Ю. Поплавский. Б. Поплавский. Новь (Таллинн). 1936. № 8. С. 144-147. Цит. по: Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 425.

²⁶ Менегальдо Е. Монпарнаса русского Орфей // Поплавский Б. Собрание сочинений... Т. 1. С. 23. В 1935 г. от отравления наркотическим веществом в Париже умер и Б. Поплавский.

КОММЕНТАРИИ

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ

Сборник «Стихи зеленой дамы: 1914-1916» публикуется по первоизданию (М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1917). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Игорю – единственному

Стихотворение, вероятно, посвящено поэту И. Северянину, что подтверждается эпитафией, взятым из стих. Северянина «Сказание об Ингрид» (1915). В марте 1919 г. «Мысль» сообщила о намерении Северянина отправиться в американское турне совместно с Н. Поплавской, но буквально несколько дней спустя (22 марта) Северянин выехал в Эстонию.

С. 7. И насмешливо настроенная публика / Назвала меня «зеленой дамой» – Зеленое платье с «красными маками» могло вызвать в памяти «публики» чеховских «Трех сестер», где сочетание розового и зеленого (платье Наталии Ивановны) описано как образец дурновкусия; возможна также аллюзия на «зеленую фею» абсента и *Green Lady* (фейри и призрак) шотландского фольклора. Вместе с тем, у А. Толстого в «Хождении по мукам» папиросная коробка с «зеленой дамой» выступает как маркированная деталь: «Даша остановилась у подъезда и носком высокого башмака стала передвигать взад и вперед по асфальту кем-то брошенную коробку от папирос, с картинкой – зеленая дама, из рта дым» (описанию Толстого относительно соответствуют папиросы «Дессерт» петербургской табачной фабрики Колобова и Боброва). Любопытны соображения выдающегося слависта О. Ронена по поводу связи образа «зеленой дамы» и всего корпуса легенд о Н. Поплавской с «*Green Lady*», упомянутой в рассказе В. Набокова «Ассистент режиссера». Приведем соответствующие фрагменты из его переписки с исследователем творчества и переводчиком Набокова Г. Барабтарло:

«Я тогда не стал выражать сомнений по поводу артуровского источника Green Lady, но вспомнил один загадочный эпизод из истории русской эмиграции. У Бориса Поплавского была сестра Наталия Поплавская, она была известна в кругах московской богемы в 1910-е – начале 1920-х годов, автор песенки “Ты едешь пьяная и очень бледная...” (репертуар Лещенко). Ей удалось каким-то образом выехать в Париж, там она вскоре исчезла, ходил слух, что она была заслана Советами. Были и другие слухи, романтические. Так вот — в 1917 году она выпустила сборник: “Стихи зеленой дамы”. <...>

...Я думаю, для американского читателя он специально дал такие имена [Луиза фон Ленц, Зеленая леди], которых читатель не знает, таким образом, возникает тот же эффект, что “Славска”, имя неизвестное, но рассказ основан на факте.

Зато уж русский читатель-эмигрант вроде Струве и др. заподозрил бы. Есть несколько замков, в которых бродит “Зеленая женщина”, но это совсем не подходит к сюжету, где нужна женщина энергичная и “пробивающаяся”. Американский читатель стал бы искать в книгах о знаменитых шпионах и шпионках — и ничего бы не нашел. Шуточки. Но Поплавским Набоков интересовался, а говорили, что именно сестра приучила Поплавского к наркотикам. И автор песен, ставших популярными. Интересно, пела ли их Плевацкая? <...>

Мне пришло в голову <...>, в чем сходство Плевацкой, Луизы Ленц и Наталии Поплавской. Все три пробилась в высокий свет и приблизились к августейшим особам, Плевацкая — в Царское Село, Ленц — к прусскому королю, а о Поплавской после ее исчезновения возникла легенда, будто она в Париже очаровала некое экзотического potentата и вышла за него замуж.

Интересно бы прочесть “Стихи зеленой дамы”. <...>

Очевидно, она себя называла “зеленой дамой”, да иначе вышло бы подражание Блоку. <...>

...[в романсе] слова Поплавской, а музыка неизвестного композитора. В примечании, конечно, о сходстве троих не надо писать, пускай читатель сам думает, но что Green Lady, “возможно”, Наталия Поплавская, автор книги “Стихи зеленой дамы” и возбуждавшая толки фигура московской и парижской богемы, это, по моему, более вероятно и интересно, чем шотландское привидение...» (Записки из одного угла: Из писем Омри Ронена к Геннадии Барабтарло / Публ., вступ. заметка и прим. Г. Барабтарло // Звезда. 21013. № 5).

Mon Ami Pierrot

Адресат посвящения (ему же посвящен весь первый раздел книги, «Розы в пудре» – Н. К. Елин (? – 1967), сын коммерсанта, адвокат, актер. Участник белого движения. Эмигрировал, жил в Германии.

С. 9. «*Au clair de la lune*» / «*Mon ami Pierrot*» – «В лунном свете, друг мой Пьеро» (*фр.*). Цитата из известной французской песенки XVIII в., положенной на более старую (XVI-XVII вв.) мелодию.

Вечером

Первые две строфы стих. – подражание стих. А. Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью» (1911):

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Капризница

С. 12. ...*трэн* – также трен, особо удлиненная часть юбки или отстегивающийся шлейф (от *фр.* *traîne*).

Портрет II

Адресат посвящения – поэт, прозаик, актер, позднее киновед и театральный режиссер В. В. Королевич (наст. фам. Королев, 1894-

1969). В 1916 г. участвовал в гастрольях И. Северянина и его вечерах в Петербурге и Москве. Автор двух приведенных в настоящем издании стих., посвященных Н. Поплавской. Ср. в воспоминаниях Р. Ивнева: «Писавшая дамские стишки и считавшая на этом основании себя поэтессой Наташа Поплавская была “королевой наркоманов”. Ее верным пажом был Влад Королевич» (Ивнев Р. Жар прожитых лет: Воспоминания, дневники, письма. СПб., 2007. С. 303).

В «миниатюре»

С. 29. *Пел без голоса белый Пьеро...* – Вероятно, речь идет о выступлении А. Н. Вертинского (см. ниже), который начал эстрадную карьеру и создал свой сценический образ «лунного» Пьеро в т. наз. Мамоновском театре миниатюр.

На мотив Н. Львовой

Н. Г. Львова (1891-1913) – поэтесса, автор единств. сб. стих. «Старая сказка: Стихи 1911-1912 г.» (1913). Покончила с собой после бурного и трагического романа с В. Брюсовым.

У резного окна

С. 42. *Темнокудрый Игорь, королевич смуглый...* – Как можно видеть, в написанном от лица условной «княгини Ольги» стих. зашифрованы имена и И. Северянина, и В. Королевича. Ср. с заглавием сб. В. Королевича «Смуглое сердце» (1916).

Горе королевской дочери

Перевод стих. О. Уайльда «The Dole of the King's Daughter», во-

шедшего в сб. «Poems» (1881).

«Тоту» – Певцову

Клоун Тот и наездница Консуэлла («Царица танго на конях») – главные действующие лица пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1915). Актер театра и кино и театральный педагог И. Н. Певцов (1879-1934), которому посвящено также стих. Поплавской «Сонет» («Холодный блеск пустых, прозрачных глаз...») сыграл роль Тота в первой постановке пьесы в Московском драматическом театре (1915).

Дама в лимузине

Адресат посвящения, эстрадный артист, поэт, композитор и певец А. Н. Вертинский (1889-1957), исполнял написанную на слова Поплавской песенку «Jamais» («Попугай Флобер»). См. также выше коммент. к стих. «В “миниатюре”».

М-ше Изида

С. 57. ...кольца от Тэт'а – Т. е. кольца с поддельными бриллиантами, получившими такое название от магазинов «Американского дома бриллиантов Тэт» в С.-Петербурге. В кругу Поплавской и не только считались отличительным признаком кокоток, актрис варьете и т. п. (ср. частые упоминания в текстах В. Королевича).

Мое чувство к Вам – маленький ландыш...

Эпиграф, с небольшими искажениями – из стих. И. Северянина «Так уж сказалось...» (1911).

С. 61. ...вы теперь играете Карандышева – Карандышев – небогатый чиновник, герой драмы А. Н. Островского «Бесприданница» (1878).

Он только прапорщик...

Адресат посвящения, вероятно – одноклассник В. Ф. Ходасевича и младший брат адвоката и альфонса С. Н. Дурасовича, описанного в мемуарном очерке Ходасевича «Черепанов» (1936): «Непревзойденным главой и арбитром московских эlegantов долгие годы считался Сергей Николаевич Дурасович. Его младший брат был со мной в одном классе. Сам же был старше нас года на три, на четыре, учился в той же третьей гимназии, но проходил курс наук не спеша, а затем и вовсе был исключен. Его отдали в частную гимназию Креймана, которую он окончил тоже не из первых. Был он красив собою и еще в креймановскую пору пользовался большим успехом у женского пола, в котором предпочитал особ, бывших значительно старше и богаче его» и т. д. Ольге Дурасович (сестре?) посвящено стих. Поплавской «Под сладкий плач румынского оркестра...» (Возрождение (Париж). 1936. 16, 26 марта).

Сонет

Адресат посвящения – актер И. Н. Певцов. См. выше коммент. к стих. «Тоту – Певцову».

Impression

С. 64. *Impression* – впечатление (*фр.*).

Улица черная, мокрая, длинная...

Адресат посвящения – известный актер немого кино В. А. Полонский (1879-1919).

Под сладкий плач румынского оркестра...

С. 71. ...*cordon vert* – букв. «зеленая лента», сухое шампанское, в годы написания стих. это обозначение чаще всего применялось к сорту шампанского компании «G. M. Mumm et Cie» с зеленым ободком на горлышке.

Ты едешь пьяная и очень бледная...

Стих. прославилось как «городской» или «жестокий» романс на музыку неизвестного композитора в исполнении эстрадного певца П. К. Лещенко (1898-1954). Романс был широко известен еще до того, как Лещенко записал его на пластинки в 1936-1937 гг. под назв. «Ты едешь пьяная» и «Ты едешь одинокая». В версии Лещенко вторая строка изменена на «...совсем одна», добавлены три строфы:

Пришлось узнать ей жизнь тротуарную
И быть любовницей не знать кого.
И только хмель один все разрешает:
Позор и стыд. И для чего?

А ведь когда-то она, счастливая,
В любви и верности клялась.
Теперь больная и вся разбитая
К себе домой она плелась.

И вот в каморочке муж слезно молится,
Она, родимая, уж не живет.
Любовник строгий того не знает,
Что больше нет ее, и не придет.

Романс существовал в многочисленных вариациях (подробней см. <http://a-pesni.org/dvor/tyhodichpian.php>), вплоть до распространенной в годы Второй мировой войны:

Ты ходишь пьяная, полураздетая
По темным улицам Махачкала.

Тебе мерещится шинель военная,
Погона желтая и звездочка одна.

Дешевый буду, я не забуду,
Тебя на свадьбу я позову.

Родится дочь моя, любить не буду,
Но твоим именем на память назову.
А на диване – подушки сбитые,
Ты полуголая сидишь одна.
Глаза янтарные, полузакрытые,
Губы искусаны и вдребезги пьяна.

Дешевый буду, я не забуду,
Тебя на свадьбу я позову.
Родится дочь моя, любить не буду,
Но твоим именем на память назову.

А муж обманутый и равнодушный
Напрасно ждет свою жену.
Любовник знает: она послушная,
Смеясь и плача, опять придет к нему.

С. 72. *Духи d'Orsay, коньяк Martel* – D'Orsay – парфюмерный дом, возникший в первой половине XIX в. и воссозданный в 1908 г.; Martel – один из старейших коньячных домов, основан в 1715 г. Ж. Мартемом.

Приехать домой на рассвете

Адресат посвящения Р. Е. Столица (1879–1936/37) – инженер-механик, муж поэтессы Л. Н. Столицы (Ершовой, 1884-1934). Поплавская посещала их салон, где проводились литературные вечера под назв. «Золотая гроздь». Ср. в воспоминаниях Н. Серпинской: «Я люблю, чтобы кругом меня дышали атмосферой любви, беспечных схождения, беспечальных разлук», — декламировала Любовь Никитична, сама покровительствуя легкому ухаживанию своего мужа, красивого, смуглого брюнета инженера, за вне-

запно выдвинутой режиссером Туркиным новой кинозвездой Верой Холодной. Младший брат мужа, с лицом молодого Вакха, глубоко и постоянно влюбленный в невестку, был основным вдохновителем ее “песенного дара”. Они составляли крепко спаянный треугольник: муж, жена и любовник» (Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 145).

Попугай Флобер

В ранних нотных изд. с обозначениями «муз. Пьеро», «сл. и муз. А. Н. Вергинского».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. ПОПЛАВСКОЙ

Б. Поплавский. Караваны гашиша

Стихотворение Б. Ю. Поплавского (1903-1935) публикуется по изд.: Поплавский Б. Собрание сочинение в трех томах. Т. 1: Стихотворения. М., 2009.

В. Каменский. Печаль творит красоту

Публикуется по изд.: Каменский В. Звучаль веснеянки. М., 1918.

В. Королевич. Преступление Арлекина

Публикуется по изд.: Королевич В. Смуглое сердце. М., 1916.

В. Королевич. Зеленая татуировка

Публикуется по изд.: Королевич В. Смуглое сердце. М., 1916.

К. Буров. Сестра Наталья умерла в Шанхае...

Публикуется по сайту www.stihi.ru.

В оформлении обложки книги использована работа Т. де Лемпицкой (Лемпика). Рис. в тексте С. Лодыгина.

Оглавление

Стихи зеленой дамы	5
Стихотворения, посвященные Н. Поплавской	91
<i>А. Шерман.</i> Н. Ю. Поплавская. Биографический очерк	99
Комментарии	110

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.